

г. Псков, послевоенные годы.

Сегодня в столовой авторемонтного завода было многолюдно. Отстояв длинную очередь, Павел Васильевич набрал полный поднос еды, расплатился и занял одно из свободных мест возле кассы. Рядом со Зверевым, ссутулившись, сидел, поедая суховатый шницель с перловкой, хмурый скуластый мужичок в засаленной куртке, тут же напротив устроились две полноватые тетki в синих халатах. Женщины ели лапшу и при этом с набитыми ртами довольно бурно обсуждали вышедший недавно на экраны страны художественный фильм «Алитёт уходит в горы»¹. Мужик в куртке ел молча и то и дело бросал косые взгляды то на словоохотливых «дамочек», то на восседавшего за столом Зверева, поедавшего грибную солянку. Когда Павел Васильевич

¹ «Алитет уходит в горы» — художественный фильм 1949 года, поставленный по одноименному роману Тихона Семушкина.

доел свой суп и взялся за оладьи, он вдруг услышал какой-то непонятный шум.

Обернувшись, Зверев увидел своего подчиненного — молодого оперативника Веню Костина. На груди у парня висел огромный морской бинокль в кожаном футляре, на боку болталась брезентовая сумка с ярко-красным крестом на клапане. Вид у парня был явно растерянный, он тяжело дышал.

Шагая между столами, Костин постоянно вытягивал шею и вертел головой. Он кого-то искал, при этом бубнил что-то под нос, беззвучно шевеля губами. Кого ищет Веня, догадаться было нетрудно, но Зверев и не думал окликнуть парня. Он все так же молча ел оладьи, сдерживая лукавую улыбку. Веня налетел на какой-то столик, едва не снеся с него посуду, извинился перед дамочкой, миску которой он едва не разбил, и наконец-то отыскал взглядом Зверева. Веня тут же бросился к его столику, оборвав на полуслове словоохотливых киноманок — соседок Зверева.

— Пал Васильевич, ну наконец-то тебя нашел!

— Не пойму я что-то. Ты в дальнейшем плавание собрался или на курсы санитаров? — усмехнулся Зверев.

— На место происшествия я собрался! Бросай все и поехали! Дело срочное!

Зверев и глазом не повел.

— Не видишь? Я ем...

— Потом поешь, у нас чепэ! — Буквально выкрикнув это, Костин схватил с подноса стакан с компотом и опустошил его наполовину. Тут уже Зверев возмутился.

— А ты не обнаглел, Венечка? А ну оставь в покое мой компот! Хочешь пить, становись в очередь и на кассу.

Костин, который терпеть не мог, когда его называли Венечкой, на этот раз вовсе не обиделся, а схватив освободившийся по соседству стул, подсел к Звереву.

— Не нуди, Василич! Говорю же, у нас чепэ!

— Уж не знаю, что там у вас случилось, но, если ты сейчас же не оставишь в покое мой компот, я тебя этим же стаканом по голове тресну! А потом косточки от абрикосов твоим лбом колоть стану...

Услышав столь необычную угрозу, соседки Зверева тут же напрочь забыли про «Али-тета» и его горы и моментально закрыли рты. Скуластый мужичок поперхнулся, еще сильнее ссутулился и притянул поближе свою тарелку. Костин же, судя по всему, совсем не испугался:

— Ладно-ладно! Треснешь, конечно! И косточки абрикосовые поколешь, только потом!

А сейчас бросай все — и поехали! Все уже в автобусе, ждем только тебя!

Зверев и не думал отрываться от еды.

— Кто это — все? — спросил майор, с явным раздражением макая кусочек оладьи в сметану.

— Оперативно-следственная группа! Говорю тебе: у нас убийство всесоюзного масштаба!

— Так уж и всесоюзного?

— Всесоюзного! Думаешь, я шучу?

Зверев взял опробованный Веней компот из сухофруктов, поморщился и отодвинул его в сторону.

— Так я же не вхожу в состав вашей дежурной группы? Я вообще-то...

— Теперьходишь.

— С чего это?

— Так Корнев решил.

Зверев фыркнул и, скорчив кривую улыбку одной из пялящихся на него толстущек, снова посмотрел на Костина:

— Да что ты говоришь? Корнев так решил? А у меня он спросил? Хотя... Что там у вас... убийство?

— Убийство!

— Всесоюзного масштаба?

— Точно!

— Ну тогда само собой! Как же тут без меня?

Зверев все-таки допил свой компот, съел лежавший на дне стакана абрикос и выплюнул косточку в тарелку. Он снова посмотрел на соседа, которые все еще глазели на него, и Зверев не мог понять, обрадованы ли они тем, что он не выполнил свою угрозу насчет косточек, или нет, и снова уставился на Костина.

— А без меня что... совсем никак? А то у меня планы...

Веня вскочил и прокричал на весь зал:

— Да какие, к черту, планы, Василич! Начальник рвет и мечет! Ты хоть знаешь, кого убили?

Зверев тут же нахмурил лоб.

— Ты чего орешь? Совсем уже...

Опомнившись, Костин глянул по сторонам и увидел целую вереницу перепуганных посетителей, которые тут же перестали жевать и уставились на их столик. Веня пригнулся к Звереву и прошептал так, чтобы только тот его услышал:

— Убит Войнов! О случившемся уже доложили в Москву! Корнев в отчаянии! Начальник главка в бешенстве! От нас требуют хотя бы первичную информацию, а мы тут с тобой компоты распиваем!

Зверев цокнул языком.

— Войнов, говоришь, убит? Второй секретарь горкома? Да уж, тут и впрямь дело нешуточное! А чего же вы тогда резину тянете? Отправлялись бы без меня, а я бы позже подъехал.

— Куда бы ты подъехал? Дежурка занята, а других свободных машин нет.

— Так я бы сам на общественном...

— На каком общественном? Знаешь, где Войнова убили?

— Где?

— В Слávковичах!

— В Славковичах? Это же в сотне верст от города.

— Все правильно. Сам ты туда не доберешься! — Веня схватил со стола несколько салфеток, обернул ими две оставшиеся на тарелке Зверева оладьи и вышел из-за стола. — Поэтому поехали, доешь свои оладьи по дороге!

Все вокруг словно застыли, и, прежде чем Зверев попробовал что-то возразить, Костин, прижимая к бедру санитарную сумку, уже двинулся к выходу.

— Вот же засранец... — процедил сквозь зубы майор.

Этим вечером у него и в самом деле была назначена встреча с одной хорошенькой особой по имени Юлиана — довольно миленькой брюнеткой со стрижкой гарсон и чудными пух-

лыми губками. Именно поэтому Зверев в этот момент и в самом деле немного злился. Тем не менее он встал и двинулся вслед за Веней. Когда Зверев вышел из столовой, в обеденном зале все еще царила гробовая тишина.

Часть первая

ВОЙНÓВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дорога виляла между холмами. Зверев, нагнувшись на лицо кепку, сидел у окна и клевал носом. За спиной майора сидели эксперт псковского управления милиции Леня Мокришин и кинолог Геннадий Логвин. Справа от Логвина в проходе на полу автобусного салона устроилась служебная овчарка оперативного отдела по кличке Бармалей. Также в автобусе помимо водителя ехали опера: Костин, Горохов и Евсеев.

Руководителем оперативно-следственной группы являлся старший следователь Виктор Константинович Кравцов, он сидел как раз за креслом водителя, тяжело сопел, что-то бурчал и постоянно поправлял очки. Время от времени Зверев открывал глаза и из-под козырька наблюдал за Кравцовым. То, что плохое настроение старшего следователя вызвано его присутствием, Зверев прекрасно понимал и втайне радовался этому. Всякий раз, когда начальник псковской милиции полковник Корнев требовал при-

влечь Зверева к тому или иному расследованию, Кравцов этому противился и негодовал. Ведь непосредственное участие Зверя в группе определенно подрывало авторитет Кравцова и, безусловно, мешало старшему следователю вести дело так, как ему хотелось бы. Слишком уж своевольным и беспринципным, по мнению Кравцова, был Пашка Зверев, которого в управлении псковской милиции почти все за глаза называли Зверем.

Почетное место справа от Зверева, разумеется, как всегда, занял неизменный помощник и любимец легендарного майора старший лейтенант Костин. Веня уже доел купленные Зверевым в столовке оладушки, кусал губы и постукивал пальцами по лежавшему у него на коленях футляру, в котором находился старый морской бинокль. Веня — истинный крымчанин и уроженец города Керчи — в годы войны служил в морской пехоте и называл род войск, к которому себя причислял, не иначе как «полосатым десантом».

Когда автобус, везущий опергруппу, миновал развилку, Костин как будто что-то вспомнил и вынул из нагрудного кармана газету.

— Ах да, смотрите, что я нашел! — обратился он к Звереву и стал читать вслух заметку из местной газеты. Все тут же уставились на Веню.

Статья, которую Веня где-то раздобыл перед самой поездкой, была полугодовой давности, но у большинства сидящих в автобусе она вызвала определенный интерес. Заметка была посвящена биографии и деятельности убитого накануне Войнова, кроме того, под заметкой было опубликовано фото самого второго секретаря — молодого темноволосого мужчины средних лет.

— «Михаил Андреевич Войнов родился в тысяча девятьсот двенадцатом году в селе Славковичи Псковской губернии, в семье столяра. После окончания школы перебрался в Псков, с тридцать первого по тридцать шестой служил в Красной армии в артиллерийском полку. После демобилизации работал старшим кладовщиком на фабрике «Шпагат», в июне сорок первого ушел добровольцем на фронт. Воевал на Северо-Западном и первом Белорусском фронте, дошел до Берлина, был дважды ранен, награжден медалью «За отвагу» и орденом Красной Звезды. В сорок третьем Войнов вступил в ВКП(б) и прошел путь от рядового-стрелка до командира сорокапятимиллиметрового орудия, получив звание старшего сержанта. После возвращения в родной Псков перешел на партийную работу, пройдя путь от инструктора до второго секретаря Псковского

горкома партии», — закончив читать, Костин сунул газету в нагрудный карман и дернул Зверева за рукав. — Ну что, Пал Василич, что думаешь на этот счет? Неужели диверсия?

— А я откуда знаю? Приедем на место, тогда будем наработывать версии.

Костин махнул рукой, снова вытащил из кармана газету, повернулся к сидевшему за его спиной Лене и попытался что-то ему сказать, но тот тут же замахал руками.

— Отстань! Уж больно много суетишься.

— Так как же?

Леня отвернулся и по примеру Зверева нагнул на нос шляпу. Веня обиженно скривился, убрал газету и, достав бинокль, принялся через него изучать окружавший их ландшафт.

Когда они миновали Крюково и автобус свернул на грунтовку, полил дождь. Мокришин и Логвин переглянулись.

— Ну все, пиши пропало, все следы смоем, — покачав головой, заявил эксперт.

— Дождь вроде несильный, может, обойдется, — попытался успокоить товарища Логвин, однако по его лицу было видно, что он тоже не особо верит в сказанное.

— А это все потому, что кто-то во внеурочное время пошел в столовую и никого не пред-